

тели, бывшіе тогда въ высшемъ отдѣленіи, завидовали своимъ преемникамъ и что къ недостаткамъ записокъ благоразумное и просвѣщенное начальство должно было отнестись снисходительно; первые опыты какого-бы то ни было дѣла рѣдко бывають образцомъ совершенства. Но грозные судіи въ родѣ Григоровича и Кутневича не замедлили своимъ приговоромъ; только все еще посовѣстились совершенно удалить Сидонскаго изъ академіи; ему поручено было преподаваніе французскаго языка.

Не скрываю того, что онъ на новой своей должности оказался не совсѣмъ состоятельнымъ; не то, чтобы онъ не зналъ французскаго языка, по крайней мѣрѣ книжнаго; отъ академическихъ наставниковъ по новымъ языкамъ не требовали тогда, чтобы они учили студентовъ разговорному языку. Но Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ увлекся своею страстью къ философствованію и вмѣсто того, чтобы въ своей новой по академіи должности обучать студентовъ только французскому языку, онъ возложилъ на себя обязанность учить ихъ философіи, такъ сказать, въ отрывочномъ видѣ. Встрѣтивъ что-нибудь замѣчательное при переводѣ статей французской хрестоматіи, по которой учились студенты, онъ пускался въ философскія разсужденія. Такимъ образомъ студенты не могли ни научиться хорошо французскому языку, составлявшему для наставника второстепенный предметъ, ни познакомиться съ философіей, которая являлась къ нимъ въ отрывкахъ, болѣею частию не имѣвшихъ между собою никакой связи. Конечно, такимъ наставникомъ дорожить не было надобности, но Виталію Щепетеву надобно было бы смотрѣть на Сидонскаго съ другой точки зрѣнія. Положимъ, что онъ не былъ въ состояніи возстановить Сидонскаго на философскую кафедру; Григоровичъ и Кутневичъ и другія авторитетныя лица не позволили бы этого сдѣлать; за то надлежащимъ образомъ оцѣнивая научныя качества Сидонскаго, Щепетевъ долженъ былъ бы поблюсти его для академіи съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи доставить ему возможность быть полезнымъ преподавателемъ философіи ли или другой науки. Но Щепетевъ хотѣлъ не падать, не терпѣть, а, какъ я выразился выше, *добить* Сидонскаго, удаливъ его совсѣмъ изъ академіи. Тутъ дѣйствовало вовсе не то, что Сидонскій плохо преподавалъ французскій языкъ, преемникъ его былъ весьма посредственный наставникъ; но Сидонскій не нравился всемогущему Филарету Дроздову, какъ потому, что онъ въ глазахъ послѣдняго былъ либераль, такъ и потому, что на своихъ лекціяхъ, подобно Делекторскому не выказывалъ благоговѣйнаго уваженія къ его всемогуществу и непогрѣшимости и хотъ рѣдко, но позволялъ